

ТЕРРОР – ОРУЖИЕ ПРОИГРАВШИХ

Брижит Бардо оштрафовали за то, что она публично призвала иммигрантов не мочиться на стены архитектурных памятников... В парижском метро подростки из мусульманских семей безнаказанно хамят парижанам... Из рождающихся в сегодняшней Франции младенцев лишь каждый третий француз... Первой красавицей Финляндии избрана чернокожая девушка... Финская полиция немедленно выезжает разбирать детскую ссору, если в ней участвует «цыганенок»... Литературное жюри присуждает премию гею за роман о страданиях геев... Целование рук американки считают публичным оскорблением... Стоит сказать о себе «я – русский», как либеральная публика интересуется – «Вы антисемит? Или, может, татар не уважаете?»... Считается «недемократичным» снимать сложное кино...

И главным результатом всего (еще не всего!) этого коктейля, полностью опубликованного в «Литературной газете», кандидат философских наук, культуролог Анна Яковлева объявляет «террористическую альтернативу» – «толерантность без берегов спровоцировала террористическую войну»: «Безграничная терпимость к грубому вторжению в нашу жизнь иного ее образа, иных моральных установок (ловко закамуфлированных под религиозный фанатизм) лишь провоцирует нарастание агрессий».

От разнородных фактов настолько рябит в глазах, что прямо не знаешь, с какого начать. Чернокожая «мисс Финляндия»? Но мулатки и в самом деле бывают невероятно очаровательны. А если люди с темной кожей попутно почувствуют, что в доминирующей культуре уважаются (с изрядной долей коррекции) их стандарты красоты, у них станет одной причиной меньше ненавидеть эту культуру (а стало быть, и поддерживать террористов). Зато на тему «финны и цыгане» мне довелось приобрести менее безоблачный маленький опыт.

Сияющий вокзальный буфет с благопристойной очередью в четыре-пять приличных господ. Вдруг через чистенький зальчик решительной походкой шагают два молодых разухабистых брюнета и, не обращая внимания на очередь, что-то требуют у накрахмаленной буфетчицы, а затем вступают с нею в затяжные препирательства. Наконец какой-то мужчина не выдерживает и делает им (выдержанное) замечание. Они, словно того и ждали, разом обращаются к нему в явно угрожающем тоне, сунув правую руку в карман, как это делалось в североказахстанском шахтерском поселке моего детства. Мужчина сначала мнетя, а затем, опустив глаза, и вовсе оставляет поле боя; за ним торжествующе удаляются и нарушители спокойствия.

«Цыгане, – мрачно объяснил мне мой молодой приятель-финн, открыто называющий себя националистом. – Они всегда руку в кармане держат, никто не хочет с ними связываться...» – «Хозяева жизни?» – подначил я, но он не пожелал говорить о святом в легкомысленном тоне.

– Какие они хозяева – они не представлены ни во власти, ни в бизнесе, ни в культуре. Бытовое хамство – все, что им остается. Вот кто представлен – непропорционально представлен! – так это шведы. В быту они милейшие люди – ни алкоголиков, ни хулиганов. – А в политике, в бизнесе они доминируют. По крайней мере, их там намного больше, чем в населении. Даже знание второго государственного языка, шведского, им помогает». – «А в культуре?» – «В культуре они тоже заметно представлены, но о культурном доминировании речь не идет. А остальное мало кого волнует. Ведь самое

мучительное – это культурное унижение, а этого они всячески избегают, всегда подчеркивают: мы один народ...»

В его голосе прозвучало явное недовольство, что такой простой прием оказывается настолько эффективным. А мне снова вспомнилось детство: «хлебный», неизменная давка у прилавка – и сквозь как по волшебству расступающуюся толпу к прилавку проходят два ссыльных молодых ингуша. Народ безмолвствует.

В ту пору я ничуть не сомневался, что они и есть хозяева жизни. Лишь через много лет до меня дошло, что как индивиды они доминировали в бытовых столкновениях, но как народ не могли соперничать с русскими ни в административной, ни в культурной, ни в военной сфере: их только что насильно привезли к нам в товарных вагонах, и, пожелай власть, могли бы снова вывезти куда вздумается.

В городке у нас жили и казахи, и те во власти были представлены – в райкоме, – но более нигде: ни среди инженеров, ни среди учителей их почти не было. Тройка-четверка евреев целиком входила в инженерско-учительскую элиту, но заметного лобби там составить не могла, во-первых, из-за своей малочисленности, а во-вторых, из-за отсутствия каких бы то ни было отдельных интересов. Высокопарно выражаясь – из-за отсутствия собственной культуры, то есть системы коллективных грез о каком-то особом месте в мире, о какой-то особой миссии... Если тамошние евреи о чем-то и грезили, то разве лишь о том, что они такие же советские люди, как все прочие. И вообще нации отмирают. Только что-то уж очень медленно. А то в компании у какого-то нечаянно сорвется слово «казах», и все невольно покосятся на какого-нибудь Айдарбека, и тот, залившись краской, опустит глаза... Слово «еврей» случайно сорваться не могло – слишком уж грубым оскорблением оно служило.

А потому и невинное слово «русский» вызывало некоторое напряжение среди тех, кто был лишен возможности с таким же спокойствием и достоинством указывать на свою национальность. И те народы, чьи имена десятилетиями, если не веками, могли служить оскорбительными кличками, боюсь, еще очень долго будут с подозрением выискивать тайные мысли, с которыми народы-гегемоны произносят свое формально нейтральное имя. Ведь никто не воспринимает слова «я – швед», «я – немец», «я – русский» как бесцельную информацию типа «я – Иванов»: слова всегда интерпретируются в контексте каких-то социальных ожиданий. И пока эти ожидания негативны, болезненны, наверно, лучше и впрямь, если нет особой нужды, избегать подобных констатаций. Разумеется, это не предполагает отказ от любви к своему народу и гордости за его свершения, как того требуют либеральные господа Лебезятниковы, но ведь, и гордясь своими близкими, мы избегаем объявлять во всеуслышание «Моя жена красавица» или «Мой сын гений», мы щадим чужие иллюзии – в надежде на то, что в ответ будут щадить наши. А национальные иллюзии – это и есть то главное, во имя чего гремят взрывы и льется кровь.

По этой же причине не стоит обращаться к целой национальной группе с призывом не свинячить. У либерализма при всех его идиотизмах есть одно хорошее качество: он не допускает коллективной вины. И если бы в какой-то национальной группе даже 99 % мочились на чужие святыни, обвинять их все равно можно было бы только по отдельности, на основании точно установленных фактов. Это, кстати, каждому может пригодиться: несколько лет назад один израильский министр позволил себе вслух упомянуть о повышенном проценте проституток и воров в «русской алии» – и получил из газет страшную головомойку. И поделом.

Так что если подростки из мусульманских семей хамят парижанам в метро, привлекать к ответственности их возможно тоже только по отдельности, да и то лишь тогда, когда хамство перешагнет уголовно наказуемые границы, увы. До тех же пор парижанам остается утешаться тем, что папы и мамы этих юных хамов обслуживают тех же самых парижан на каких-то непрестижных, низкооплачиваемых, опасных работах. А завтра этим займутся и сами хамы. Ибо всем осведомленным людям хорошо известно, что без притока иммигрантов с их повышенной рождаемостью Европа существовать не может. По крайней мере, не снизив, и весьма существенно, жизненные стандарты, а об этом никто из политиков не смеет и заикнуться.

А между тем продолжительность жизни растёт, рождаемость падает, – число пенсионеров, приходящееся на одного работающего, опережает рост производительности труда, но рост appetites опережает и то, и другое. Так что те два младенца-«инородца», приходящиеся на одного младенца-«француза», оказываются едва ли не последней надеждой либеральной Европы. Вот только почему первые двое не французы? (Кстати, точны ли эти цифры?) Каждый народ ассимилировал в себе огромное количество племен и народностей, и процессу этому не видно конца. И эти двое сделаются французами по культуре (обновленной, вобравшей в себя новые элементы, как уже не раз бывало), если только им будут пореже намекать, что они не французы. Ассимиляция лучше всего проходит не через открытый нажим, а через соблазн. Ассимилируемым нужно раскрыть все мыслимые пути для интеграции в европейское общество, и если даже на протяжении одного-двух поколений придется кривить душой, все равно необходимо всеми доступными средствами чаровать их коллективной иллюзией «Мы один народ». Ибо только этой иллюзией создаются и сохраняются народы. И слияние народов есть прежде всего слияние их грез.

А.Яковлева глубоко заблуждается, полагая, что терроризм порождается попустительством, – нет, терроризм порождается отчаянием, страхом за распад той картины мира, всегда иллюзорной, в которой каждая вера, каждый народ представляется себе красивым, уважаемым и бессмертным. А.Яковлевой кажется, что терроризм – это экспансия, месть другим за то, что они живут по-другому. Но на самом деле терроризм – это не наступательные, а арьергардные схватки разгромленной армии. Исламский мир, а в особенности арабский, имеющий за плечами действительно великое прошлое – великие территории, великую науку, великое искусство, – проиграл международные состязания во всех видах и жанрах. В последние века экспансией занимался и занимается именно Запад; но если раньше это были прямые колониальные завоевания, то сегодня это главным образом экономическое, культурное воздействие. Коммерциализация, индивидуализация жизни неуклонно размывают все традиционные коллективы и святыни, и было бы странно, если бы те в ответ не выстраивали оборонительных тоталитарных утопий, кажется, первая из которых была с гениальной силой разработана Платоном в ответ на либерализацию афинского общества.

Мы должны понимать – террор отвечает не на слабости, не на поражения, а на силу, на победы либерализма, террор свидетельствует о кризисе не либерализма, а традиционализма. Террор – реакция проигравших на превосходящий авторитет Запада в военной, экономической, культурной, мифотворческой, досуговой – да, пожалуй, и во всех прочих сферах, исключая разве что парижское метро: не надо думать, что тот, кто хамит, и есть победитель. Что, наша шпана главнее президента? И толерантность по отношению к проигравшим, быть может, если и провоцирует бытовое хамство, то во всяком случае разряжает политический экстремизм, а вестернизированный хам все-таки гораздо лучше, чем благородный убийца. На чем-то же и проигравшим надо оттянуться! А, покуражившись, подавляющее их большинство (хотя, увы, и не все, но ищем-то мы не совершенства, а наименьшего зла!) впрягается в семейную лямку и через одно-два поколения превратится в тех же французов, только личиком приятно смуглявым, как и мечталось Макару Нагульнову. И если даже французская культура что-то потеряет в манерах – не беда, если этим будут спасены тысячи жизней.

Перевербовывать побежденных – вот главная сегодняшняя задача либерального Запада. А усиление жестокости по отношению к ним – драгоценнейший подарок их собственным экстремистам: уж те-то первыми ринутся на помощь униженным и оскорбленным агонизирующим иллюзиям. А им навстречу ринутся наши экстремисты – и пошла потеха: на исламский фашизм ответим французским, немецким, русским фашизмом!

Не будем забывать, что и фашизм – оружие проигрывающих, утративших возможность защищать себя иными средствами, кроме как физически уничтожить или хотя бы дискредитировать источник соблазна, а у нас, слава богу, нет никаких серьезных оснований считать себя побежденными. Или нас тоже соблазняет намаз и обрезание, а наших

женщин чадра? Сегодня на Западе, а стало быть и в России, есть множество людей, испытывающих ужас перед «поднимающимися», «пассионарными» народами, а именно ужас и является главной причиной всех безумств и зверств. Поэтому перепугавшихся нужно всемерно успокаивать подробными разъяснениями, что речь идет, напротив, об «опускающихся» народах. Что же до их «пассионарности», то есть поглощенности какой-то великой грезой, то ее лучше всего характеризует русская пословица: бодливой корове бог рогов не дает. Чтобы составить Западу серьезную военную конкуренцию, «пассионариям» пришлось бы отказаться именно от того, что они защищают – от грезы, – и сдаться именно тому, что они ненавидят, – рациональности. После чего исчезнет и главная причина ненависти.

Террор – это попытка побежденных спровоцировать победителей на масштабный ответ, чтобы этот ответ удесятерил, утысячил число обиженных, а стало быть, и удесятерил, утысячил ту армию, на которую и рассчитывают экстремисты. Поэтому всякая эскалация ответного насилия – долгожданная вода именно на их мельницу. А потому сегодня как никогда актуален завет Макиавелли: не наноси малых обид, ибо за них мстят как за большие; но если все-таки хочешь обидеть, обижай так, чтобы тебе уже не могли ответить. Те, кто хочет всего только «усилить жестокость» по отношению к неприятным чужакам, должны понимать, что полумерами они не отделаются, – очень скоро от них потребуются какое-то «окончательное решение»: сначала гетто, затем концлагеря, затем... Но если бы даже безвестный безумец решился на нечто подобное, «устраняемые» и их союзники все равно бы ему этого не позволили.

Путем взаимной стимуляции экстремисты обоих станов довести до мировой войны сегодня могут очень легко – до войны, в которой будут только проигравшие. И все истерики ведут именно туда.

* * *

Уж с каким наслаждением и сколько критических стрел я выпустил по непробиваемому либеральному ханжеству и непрошибаемому либеральному идиотиз..., догматизму, и с каким удовольствием и сейчас поддержал бы А.Яковлеву в ее протесте и против либерального выравнивания всего и вся, и против либерального заискивания нормы перед аномалией, сложности перед простотой, но в коктейле Яковлевой, как это постоянно бывает, дельное настолько перемешано со смертоносным, что до дела руки снова не дошли.